

В. Н. Давыдов

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2738-4609
E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

Исследования мобильности в Арктике: от теории к действию

АННОТАЦИЯ. В данной статье будут рассмотрены основные разработки А. В. Головнёва и возглавляемого им коллектива исследователей (включающего как этнографов, так и дизайнеров), полученные в процессе изучения практик мобильности в различных кочевых сообществах Арктики. Анализируемые положения базируются на концепциях антропологии движения и были разработаны посредством сочетания методов визуальной антропологии, дизайна и различных способов записи движения, что позволило по-новому увидеть феномен мобильности, осмыслить именно динамическую его составляющую. Они будут представлены не только как итог выполненных исследований, но и как теоретические инструменты, неотделимые от практического действия. На некоторых примерах из собственных полевых материалов, собранных в Арктике, автор рассматривает потенциал применения предложенных А. В. Головнёвым концептуальных схем для современных исследований мобильности. Задачей данной статьи является не столько подведение итогов тех или иных разработок, сколько очерчивание возможного их применения в рамках исследовательской практики. Научный концепт, таким образом, это не просто выкристаллизованное понятие исследовательского арсенала, но непосредственно применяемый на практике, получающий свою апробацию, «огранку» и доработку в контексте полевых исследований и анализа собранных материалов инструмент. Именно возможность использования в практической деятельности, позволяющая получить качественно новые результаты в сфере исследования мобильности, — ключевая отличительная черта рассматриваемых теоретических разработок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Арктика, кочевники, номадизм, мобильность, движение, модульность, автономность, минимализм, материальность, дизайн, действие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Давыдов В. Н. Исследования мобильности в Арктике: от теории к действию. *Этнография*. 2023. 1 (19): 82–99. doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-82-99

V. Davydov

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2738-4609
E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

The Research of Arctic Mobility: From Theory to Action

ABSTRACT. This article examines the main research developments of Andrei V. Golovnev and the team he leads (including both ethnographers and designers) obtained in studying mobility practices in various nomadic communities of the Arctic. The ideas under consideration are based on the anthropology of movement and were developed through a combination of methods of visual anthropology, design, and various ways of movement recording, which allowed to see the phenomenon of mobility in a new way, to comprehend its dynamic component. The results of the performed research constitute theoretical tools inseparable from practical action. Using some examples from the field studies collected in the Arctic, the author draws parallels and considers the potential of applying the conceptual schemes proposed by Golovnev to modern mobility studies. This article aims not so much at summarizing the main outcomes but at outlining the possible applications of the developments under consideration in the framework of research practice. The scientific concept, thus, is not simply a crystallized concept included in the research arsenal but directly applicable in practice, receiving its approbation, faceting, and refinement in the context of field research and analysis of the collected materials. The possibility of using these concepts in the field studies of mobility, thus obtaining qualitatively new results, distinguishes Andrei V. Golovnev's scholarly developments from many others.

KEY WORDS: Arctic, nomads, nomadism, mobility, movement, modularity, autonomy, minimalism, materiality, design, action

FOR CITATION: Davydov V. The Research of Arctic Mobility: From Theory to Action. *Etnografika*. 2023. 1 (19): 82–99. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-82-99

Современные социогуманитарные исследования характеризует «мобильный поворот», отличительной чертой которого является трактовка мобильностей как самостоятельной реальности, существующей в виде сетевых социальных отношений. Важными разработками в рамках данного направления являются работы Джона Урри (2012a; 2012b), Мануэля Кастельса (Castells 2009), Ноэля Салазара (Salazar 2018) и других исследователей. В отечественной этнографии разрабатывалось отдельное направление — антропология движения (Головнёв 2009; Головнёв, Белоруссова, Киссер 2020). Под руководством Андрея Владимировича Головнёва был реализован проект Российского научного фонда «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации», в рамках которого была подготовлена серия монографий и статей, а также состоялась выставка, задуманная как повествование о том, что значит «быть кочевником» (Куканов, Конькова 2021: 47).

В данной статье рассмотрены используемые для изучения мобильности в Арктике теоретические разработки, представленные в работах А. В. Головнёва, а также членов руководимого им исследовательского коллектива. Задачей статьи является стремление не столько подвести основные итоги применения концептуальных схем антропологии движения к изучению номадических сообществ Арктики, сколько очертить потенциал применения данных разработок в рамках исследовательской практики.

ЗАПИСЬ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДИНАМИЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Э. Элиот, Р. Норум и Н. Салазар отмечают, что, хотя жизнь без мобильности невозможна и любые повседневные взаимодействия предполагают перемещения в пространстве, методы антропологических исследований во многом были сформированы статичным подходом: в классической антропологии фиксировались слепки исчезающей этнографической реальности, в меньшей степени метод исследований был направлен на изучение именно процессов, постоянно происходящих изменений (Elliot, Norum, Salazar 2017). Разработанный А. В. Головнёвым и коллективом исследователей под его руководством теоретический аппарат дает возможность отказаться от статичного взгляда на мобильность и перейти к многомерному и многоуровневому моделированию движения. Предложенная и апробированная в рамках проекта «Мобильность в Арктике» система записи движения кочевников позволяет не только глубоко и всесторонне исследовать северные культуры, но и представить их в новом визуально-текстовом формате (Головнёв 2020: 168).

На современном этапе благодаря развитию технических средств стало возможным использовать новые методы записи и анализа

мобильности, позволяющие максимально сконцентрироваться на изучении динамики. Движение можно записать, выделить его элементы, проанализировать замедления и ускорения его темпов. В этом контексте очень важно сочетание новых методов записи и нестатичного взгляда визуального антрополога. Именно синтез методов визуальной антропологии, дизайна и различных способов записи движения позволил по-новому увидеть феномен движения, осмыслить в первую очередь динамическую его составляющую. В мобильности важны как собственно перемещение в пространстве, так и моменты стационарности, подготовки к движению в определенных точках. Тем не менее статическая составляющая превалировала в способах интерпретации мобильности, рассматривались результаты движения, а не сам процесс (Davydov 2022).

Большой потенциал имеет изучение физических элементов мобильности, нанесенных на карту или схему, дополненных записью GPS-треков перемещений, а также видеофоторядом движений/действий, — особый авторский метод антропологии движения, цель которого состоит в создании многомерной картины движения с его пиками и паузами, персональными и социальными траекториями (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 4–5).

Для этнографического исследования картографирование движений имеет большое значение, однако реализовать на практике это довольно трудно. Запись трека на GPS-навигатор и его последующая расшифровка, описание и интерпретация — важнейшая задача будущих исследовательских проектов, связанных с изучением мобильности. Нанесение треков различных категорий местных жителей на карту позволяет визуализировать движения, выделить гендерные особенности мобильности (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 68–73, 194–197). Возможна визуализация перемещения в пространстве не только человека, но и животного (олень, собака) или какой-либо вещи (средство передвижения, переносное жилище, инструмент).

Визуальные методы имеют при исследовании мобильности колоссальный потенциал. Прорывной стала идея визуализации технологий кочевников в рамках атласа, построенного на результатах исследований в среде оленеводов Чукотки, Ямала и Кольского полуострова. Авторы этой работы предприняли попытку представить кочевые технологии во всей их сложности и многомерности (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018).

Визуализация практик мобильности как направление имеет огромный потенциал и для будущих исследований и, несомненно, будет развиваться благодаря появлению и распространению новых технологий. Большую перспективу для осмысления мобильности открывает съемка стойбищ с квадрокоптера, 3D-моделирование, использование микро- и макрофокуса, запись GPS-треков и тепловизионная съемка.

Важнейшая часть анализа мобильности — изменение плана, изучение макро- и микромобильности. Для развития данных направлений может быть применена трасология, позволяющая рассматривать различные технологии на микроуровне. Движение по ландшафту оставляет не всегда заметные следы на вещах, подобные тем, что остаются на них при обработке инструментом, увидеть эти следы помогает специальное оборудование. Использование новых методов позволяет по-новому посмотреть на материальную основу движения.

Важнейший инструмент исследования движения кочевников — визуализация их перемещений посредством ритмограмм. Здесь применимы две стратегии: 1) измерение ритма кочевья стоянками (стойбищами) — в этом случае ритмограмма будет иметь вид тактов, в которых указывается длительность статичных периодов, а перекочевки обозначены как тактовые черты; 2) такт составляют длительности-протяженности перекочевки, а стоянки выступают в качестве тактовых черт — этот вариант соответствует кочевой традиции, в которой путь измеряется перекочевками (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 168).

Однако применяя только визуальные методы исследования, понять и интерпретировать мобильность невозможно: недостаточно наблюдать движение кочевников, его нужно сопереживать, ощущать на собственном опыте (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 5–6).

СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ

Важным аспектом изучения мобильности в Арктике можно назвать анализ скорости перемещения кочевника. Не все, что он делает, является быстрым, но отдельные элементы требуют именно стремительного включения, оперативного анализа текущей ситуации и действия. Кочевники Арктики выработали особое «искусство быстрого действия» (Головнёв и др. 2015: 78–83). В рамках рассматриваемого направления были сделаны важнейшие наблюдения в сфере антропологии скорости, получившие развитие в исследованиях киберпроцессов (Головнёв, Белорусова, Киссер 2020).

Скорость имеет свои сферы применения. В чукотском оленеводстве А. В. Головнёв выделил три орбиты скорости: 1) пеший ход, который дополняется поездками на технике; 2) «средний горизонт», который составляет оленное движение стада и каравана с длительной летовкой и короткими стоянками в межсезонье; 3) «верхний горизонт», представленный авиа- и автоперевозками (Головнёв 2018: 15). Все эти три орбиты не остаются неизменными, включают новые задачи перемещений. Так, например, использование новых средств передвижения требует периодического их ремонта и создает необходимость доставки запчастей.

Отдельные действия в повседневных практиках кочевника требуют высокой скорости. Особенно это важно для управления движением стада. У кочевников вырабатывается и оттачивается особое искусство чередовать напряжение и расслабление в ритмах и аритмии — одна из важнейших технологий арктического номадизма (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 66). Ритм в кочевье представляет собой сложное сочетание связанных в единую композицию био-, эко- и техноритмов (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 166).

Скорость различных перемещений обладает свойством преобразовывать явления и создавать новые (Головнёв 2020). Скорость и технологии движения меняются не только в тундре, но и в поселках и городах. Например, в пгт Эгвекинот на Чукотке в летнее время стали активно использоваться электросамокаты, которые сейчас широко распространились и в других регионах России. Возможность подобных перемещений обеспечивает имеющаяся и вновь создаваемая инфраструктура: в Эгвекиноте, например, сравнительно обширна сеть ровных бетонных дорог, что создает саму возможность, или «аффорданс» (Gibson 1979), использования новых средств передвижения.

СЛИТНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Важнейшей разработкой в рамках рассматриваемого направления является соединение концептов пространства и времени. Это позволяет по-новому взглянуть на происходящие процессы. Такого рода попытки предпринимались теоретиками ранее и неизменно давали новую пищу для размышлений: М. М. Бахтин, например, понимал под «хронотопом» (термин, введенный А. А. Ухтомским и означающий в дословном переводе «времяпространство») взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе (Бахтин 1975).

А. В. Головнёв в своих размышлениях о «слитном пространстве-времени» опирался прежде всего на практики представителей арктических кочевых сообществ. В представлениях находящихся в постоянном движении кочевников невозможно отделить время от пространства (Головнёв 2017: 7). Сам подвижный образ жизни способствует восприятию пространства и времени в неразрывной связи, одно мыслится через другое (Сирина 2012: 338). Сложность состоит в том, что в рамках научного анализа их гораздо проще было рассматривать как отдельные категории.

Автор данной публикации наблюдал подобные сцепки времени и пространства в контексте категорий, описывающих движения у эвенков. Например, в Забайкалье рыбаки и охотники нередко используют выражение «ходить обуденком». Это означает, что человек, перемещаясь в течение дня, возвращается в одну и ту же точку пространства.

ДИЗАЙН ДВИЖЕНИЯ

Кочевник по своей сути является дизайнером. Понятие «дизайн» здесь трактуется довольно широко. Дизайн является особой, стратегически важной формой расположения и перемещения людей, вещей и животных в пространстве. Важнейшая разработка — понимание дизайна не как результата, но как особой формы взаимодействия субъекта с материальными объектами. Это понятие не просто меняет язык науки, позволяя говорить о «дизайне» кочевий, но привносит ряд существенных элементов в анализ современных процессов: 1) отказ от понимания дизайнерских «разработок» как статичного результата, который формирует практики и их восприятие непосредственными участниками и наблюдателями; 2) взгляд на действия через призму дизайна позволяет не отделять действие от его результата; 3) дизайн приобретает форму стратегического действия. Дизайн здесь неотделим от практики, формируется в рамках непосредственного взаимодействия с окружающей средой.

Изучение технологий кочевания дает возможность обновить инструментарий и этнографа, и дизайнера (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 6). Такого рода подход открывает любопытные возможности, позволяя проанализировать, например, эффект перевыпаса с позиций дизайна кочевий. Корректировка ритма и способа перемещения стада позволяет корректировать взаимодействие стада с ландшафтом, определяющее и состояние животных (их вес прежде всего), и сохранность пастбищ (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018). Дизайн мобильности в кочевых сообществах варьируется в зависимости от ландшафта, состояния пастбищ, удаленности от промышленных объектов и административных центров (Головнёв 2018). Описанный выше подход потенциально применим не только к оленеводству, но и к другим отраслям животноводства. Способ управления стадом влияет на физическое воздействие, оказываемое движением животных на ландшафт.

Опираясь на разработки А. В. Головнёва можно сделать вывод о мобильности как творческом, созидательном процессе. Сама мобильность кочевников, способы ее организации, их стратегические действия представляют собой результат креативного синтеза навыков и постоянно обновляемой информации об изменениях состояния окружающей среды и перемещениях различных агентов.

Дизайн, таким образом, является частью повседневности, а не только лишь узконаправленной деятельностью по проектированию эстетических свойств. Мобильность всегда осуществляется в определенном пространстве, однако при этом она фактически участвует в его создании. Если мыслить движение не как набор конкретных перемещений из точки А в точку Б, а как набор параллельно осуществляемых преобразований

расположения материальных предметов относительно друг друга, то мобильность можно интерпретировать как творческий, то есть порождающий новые предметы и меняющий их физические состояния, процесс, где кочевники являются дизайнерами своего пространства и перемещений в нем. Такой подход позволяет концентрироваться на действиях кочевника, его активном вовлечении в процесс преобразования материальных объектов, увидеть его как стратега, одновременно подобного игроку в шахматы и художнику. Это, в свою очередь, позволяет выделить как практическую, так и эстетическую составляющую движения.

Миграции оленеводов в тундре напоминают игру в шахматы, причем иногда стратегически может делаться «ход на опережение» (Головнёв 2018: 26–28). Ненцы, чтобы не смешивать оленей, даже кочуют «в шахматном порядке» (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 177). Важнейший навык для них — вождение стада по тундре, которое напоминает судходную навигацию: необходимо предотвращать столкновение и смешение стада со стадами соседних оленеводов (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 176). Управление стадом реализуется при этом за счет слаженного исполнения маневров.

Стили движения северных кочевников-оленеводов экологичны. Достигается этот эффект не столько регулированием численности стада или поиском мест, изобилующих кормом для оленей (ягелем), сколько благодаря постоянной динамике, динамичной манере выпаса (Головнёв 2018: 28). Способ передвижения, таким образом, обладает важным экологическим и энергетическим эффектом.

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ В ДИНАМИКЕ: ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ВЕЩЕЙ

В последние годы окружающая обитателей Севера материальность претерпела сильнейшие изменения. К ее трансформации приводят как действия местных жителей, так и различные проекты, влияющие на технологии создания и практики перемещения вещей. Переход к использованию стационарных домов в поселках существенно преобразовал практики мобильности местных охотников, оленеводов и рыболовов. Благодаря развитию транспортной системы и распространению новых материальных объектов данный процесс может ускориться и приводить к существенным изменениям окружающего человека мира вещей.

Материальные объекты в Арктике характеризуют определенные формы динамики. Вещь не стоит на месте и не остается неизменной. Создаваемые человеком материальные объекты — результат множественных перемещений и модификаций. Происходит постоянное распределение (стягивание и рассеивание) отдельных предметов в пространстве, а также их изменение и трансформация в процессе эксплуатации.

Мобильность позволяет не только постоянно переструктурировать расположение вещей, создавая их конгломераты, но и оказывает воздействие на сами материальные объекты, меняя их физические свойства. Таким образом, вещи кочевников создаются и преобразуются в постоянном движении.

Важнейшими для рассмотрения материальности являются концепты трансформности и полифункциональности вещей (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018). Используемые северными кочевниками материальные объекты (средства передвижения, жилища, постройки, одежда, инструменты, утварь) воплощают в себе множество практических функций (Головнёв 2017). Жители Арктики могут использовать вещи в новом контексте, но при этом принцип полифункциональности сохраняется. Например, жители оленеводческого села Амгуэма на Чукотке в теплое время года активно пользуются ярангами, устанавливая их в непосредственной близости от населенного пункта.

Установка яранги в данном случае преследует сразу несколько целей. Во-первых, эта практика позволяет сохранить покрышки традиционных жилищ. Некоторые местные жители — как правило, вышедшие на пенсию оленеводы — имеют собственные родовые яранги. В холодное время года разобранные яранги можно хранить в контейнерах и сараях, но долго держать их в таком виде нельзя. Яранга — мобильное жилище, при использовании оленеводами эта конструкция постоянно пребывает в действии, в движении. Для сохранности яранги ее обязательно надо собирать и разбирать, просушивать, ремонтировать. Во-вторых, яранга позволяет существенно расширить площади для подсобного хозяйства, дает возможность не ограничиваться территориями, примыкающими непосредственно к жилым домам. В яранге выделывают шкуры, кроят и шьют. Яранга используется также для приготовления пищи: в ней над очагом сушат мясо и рыбу, ферментируют продукты. Жители Амгуэмы хранят в традиционных мобильных жилищах рыболовные снасти, одежду и обувь, нарты. Яранга применяется и как пространство для досуга с детьми, семьей, друзьями. Она используется некоторыми местными жителями для ночлега. Яранга и все ее содержимое, в том числе культовые вещи, должны участвовать в жизни людей и обрядовой деятельности. Без этого, по представлениям местных жителей, домашние духи самой яранги не только перестанут помогать своим хозяевам, но и начнут вредить им. Таким образом, установка яранги преследует цель обеспечения благополучия ее хозяев. Наконец, ее установка рядом с селом позволяет организовать для сторонних наблюдателей «дисплей», демонстрирующий и утверждающий аутентичность образа жизни местного сообщества, тем самым привлекая туристов. Амгуэмские яранги используются во время праздников, в них встречают гостей. Таким образом, яранга как материальный объект является

полифункциональной, причем как в тундре, так и рядом с населенным пунктом (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022).

МОДУЛЬНОСТЬ

Арктика — пространство применения проверенных технологий. То, что показало свою эффективность, всегда получает довольно широкое распространение. В случае кочевников и используемых ими технологий движения значительную роль играют мобильные, кочевые модули, которые включают не только караван нарт, но и собственно стадо оленей (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 191). Модульность — одно из ключевых свойств, характеризующих способы освоения пространства в Арктике (Головнёв и др. 2018) и позволяющих сэкономить время и затраты энергии при выполнении рутинных действий. Использование модулей способно существенно ускорить перемещения.

Как местными жителями Севера, так и представителями добывающих и транспортных компаний применяются однотипные и апробированные на практике стратегии использования пространства. Освоение пространства предполагает использование различного рода модульных систем. Многие элементы модуля могут быть оперативно заменены аналогичными материальными объектами. В этом случае можно говорить о модулях различного масштаба. Взаимозаменяемость компонентов — важнейший элемент сохранения потенциала действия в условиях дефицита вещей. Существует и другая, широко применяемая на Севере стратегия, которая позволяет поддерживать потенциал действия в удаленных от центров распределения мест. Это стратегия накопления субститутов, заменителей, использования альтернативных, дополнительных систем.

Идея модульности имеет большой потенциал для этнографических исследований. Важнейший элемент быта кочевников — кочевой модуль, эффективная связка разнородных элементов, позволяющая выполнять повседневные действия. Модуль — это то, что дает возможность эффективно осваивать пространство. Именно модульность позволяет представителям северных сообществ поддерживать относительную автономность. Для кочевых сообществ характерен «принцип автономной мобильности» (Головнёв 2017: 11).

Понятие модульности, впрочем, применимо не только к описанию повседневности кочевников. В Арктике модульность используется и в тундре, и в населенных пунктах. На Севере в своих подсобных хозяйствах местные жители активно применяют мобильные модули — например, металлические контейнеры — в качестве стационарных конструкций. Принцип модульности имеет большое значение для арктических территорий в целом: освоение огромных пространств стало возможно

именно за счет использования эффективных модулей — типичных наборов вещей.

Яранга, палатка или чум являются своего рода конструктором, состоящим из однотипных элементов, которые могут быть заменены в случае необходимости. Это свойство — возможность оперативной замены отдельных частей — является принципиальным. Отсутствие подобной возможности зачастую вызывает скепсис северных кочевников по поводу разрабатываемых и внедряемых новшеств. Например, многие кочевники-чукчи, жители Амгуэмской тундры, говорили автору о том, что отсутствие или поломка какого-либо конструктивного узла новой яранги не позволит им быстро, «на ходу» выполнить оперативный ремонт подобного жилища. С юмором рассказывали олениводы Таймыра о внедренных в поздний советский период быстроразборных юртах, которые должны были использоваться в качестве альтернативы балка на полозьях. По словам олениводов, эти юрты быстро пришли в негодность, найти замену деталям было трудно, так что теперь остатки подобных «инноваций» «валяются по тундре».

Местные жители всегда отдают предпочтение выверенным и хорошо апробированным технологиям. Инновации приживаются, но в основном такие, которые местное сообщество может поддерживать в рабочем состоянии своими силами. Например, долганские олениводы адаптировали балок на полозьях, поскольку он легко изготавливается из местных природных материалов — древесины, которая доступна в лесотундровой зоне, и покрывок, изготовленных из шкур оленя. Так же самостоятельно из подручных материалов собирают печи. Таймырские олениводы, например, делают корпус печи из металлических тазов, которые покупают в местных магазинах (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022).

МИНИМАЛИЗМ ВЕЩЕЙ И ТЕХНОЛОГИЙ

Важнейшей чертой быта кочевников является «вещный минимализм»: перевозят с собой только те вещи, которые обеспечивает контроль над пространством и движущимся стадом (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018). Следует заметить, что концепт минимализма является перспективным для анализа материальности не только собственно кочевников, но и жителей северных и любых удаленных от центров распределения ресурсов населенных пунктов, поскольку позволяет исследовать динамику материальности в условиях дефицита. Многие северные (и не только) сообщества испытывают дефицит со снабжением. Люди вынуждены экономить ресурсы, вырабатывая определенные наборы, комплексы вещей, позволяющие эффективно решать текущие задачи, сохраняя ресурсы. Сама стратегия экономного расходования предполагает умение достигать результатов при минимальных затратах. Подобная

стратегия является важнейшей составляющей выработанных представителями различных северных сообществ технологий.

Важнейшее направление будущих исследований — изучение этноэргономики, соединяющей минимализм и практичность с элементами северной эстетики. Вещи соизмеримы телу человека, оленя, форме других вещей, они сочетаются друг с другом, позволяют избегать сопротивления среды при перемещении.

Минимализм — это не только черта материального мира, но и важнейшая составляющая технологий движения, а также процесса производства и модификации материальных объектов. Технологический минимализм заключается в минимизации затрат энергии, необходимых для получения результата. Сами перемещения в пространстве являются энергосберегающей технологией. Именно динамика дает возможность осваивать максимум ресурсов минимумом инструментов.

Важнейшим выводом из данного положения является то, что само по себе перемещение может заменить или дополнить материальный объект. То есть движение имеет определенную форму материальности, причем это не только результат движения, но и материальность находящихся в движении людей, животных, вещей и природных явлений. Движения являются той силой, которая изменяет материальность окружающих человека объектов. Северные кочевники активно пользуются подобными технологиями. Например, автор статьи, работая среди оленеводов-долган на Таймыре, был свидетелем проведения коральных работ без установки коралля. Слаженные действия людей и собак, использование определенного ландшафта позволяли проводить зоотехнические работы без применения специальных построек для ограничения движений животных (коралля). Собственно стадность оленей и позволяет человеку управлять движением животных (Давыдов 2017).

Оленеводы стремятся избегать длительного пребывания животных на одном месте. По словам оленеводов-долган, места проведения коральных работ можно легко заметить с вертолета — огороженные участки, где на протяжении некоторого времени были сконцентрированы олени, очень долго еще лишены всякой растительности. Если коральные работы проводятся без использования собственно коралля, вытаптывание значительно меньше, поскольку концентрация животных на одном месте более низкая и менее продолжительная.

ЭТНОГРАФИЯ ДЕЙСТВИЯ

Динамизм — еще одна отличительная черта северных сообществ. Состояние динамики создает особый эффект, который проявляется в повседневных действиях представителей номадических групп: кочевые технологии становятся эффективными, проявляют свои

достоинства именно в динамике. При этом те технологии, которые эффективны в статике не всегда таковы в динамике (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 344).

Движение складывается из определенного набора практических операций. В этом смысле изучение мобильности требует внимания к категории действия и анализу его мотивационной схемы. При этнографическом анализе движения важно не только полевое наблюдение, но и феноменологическое (герменевтическое) восприятие и толкование модулей мотивов-решений-действий (Головнёв 2018: 9). Действие кочевника является результатом оценки постоянно меняющейся ситуации, нестатичного ее анализа. Категория действия, предполагает активное включение представителей изучаемых сообществ в выстраивание собственных стратегий освоения пространства, которые основаны на постоянно адаптируемом к текущим условиям наборе практических действий.

Многие используемые жителями Севера и задействованные в практиках мобильности принципы применимы на практике, позволяют экономить ресурсы в условиях дефицита. Этнографическое исследование мобильности дает возможность сфокусироваться на роли местных жителей в создании условий для формирования потенциальной возможности движения или мотильности (подвижности, motility) (Kaufmann 2002). Этнография позволяет определить и изучить ключевые принципы, применяемые местными жителями в рамках практической деятельности, а также рассмотреть ресурсы и энергетические процессы на уровне, соизмеримом с отдельным человеком. Человек, который осознанно корректирует свою мотивационно-деятельностную схему, обладает усиленным проектным и деятельностным потенциалом (Головнёв 2018: 14). Навыки, рефлексивность и знания позволяют представителям северных сообществ менять направления деятельности в зависимости от текущей ситуации.

Достоинством арктических культур выступает как раз мобильность, которая позволяет охватывать огромное пространство и осваивать рассеянные по нему ресурсы (Головнёв 2020: 167). В процессе взаимодействия с другими людьми, животными, ландшафтом жители Арктики получают возможность активных действий в условиях ресурсного дефицита. Ненецкие оленеводы в своих перемещениях опираются на «принцип динамичной кооперации» (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 168), который заключается в объединении усилий различных социальных агентов в рамках кочевков. При подобном объединении ненецкая семья сохраняет автономность и может откочевать и по мере надобности присоединиться к другому стойбищу (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 168).

Данный принцип схожим образом работает и в других сообществах Арктики. Например, долганские оленеводы объединяются на время летнего выпаса, а после проведения коральных работ в конце августа разделяются и выпасают стада раздельно. Стратегии кооперации и взаимопомощи важно рассматривать в динамике, поскольку результатом объединенных усилий выступает не только расстановка предметов в пространстве стойбища, но и сам процесс перемещения (кочевка). Во время перекочевок (касаний, аргишей) очень важно правильно распределить роли. Именно благодаря правильной координации действий, постоянной внутренней отладке направления движения осуществляется перемещение людей, животных и вещей в пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

МОБИЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

Сообщества Арктики являются динамично развивающимися в самых разных аспектах. Представители северных кочевых групп демонстрируют динамизм в восприятии и освоении культурных и технических инноваций — в их обиход вошли новые средства передвижения, навигационные приборы, гаджеты, инструменты, технологии, материалы (Головнёв 2018: 40). Технологические новшества не разрушают, а по-своему развивают кочевую культуру (Головнёв 2020: 165). Техническая и технологическая оснащённость номадических сообществ меняет маршруты кочевий, используемые кочевниками материальные объекты. Представители коренных народов Севера играют важную роль в производстве условий для активной деятельности и формирования потенциала действия — важнейшего условия креативных процессов и преобразований в Арктике. Жители Арктики являются создателями окружающих их вещей. Традиционные жилища, средства передвижения, инвентарь оленевода, рыбака и охотника, подсобные постройки и заполняющие пространство северных населенных пунктов контейнеры являются результатом «тонкой настройки» (Березницкий 2022) — практической отладки, шлифовки, подгонки к местным условиям и особенностям ландшафта.

Мобильность, включая номадизм, исторически выступает базовым принципом освоения обширных территорий Арктики (Головнёв 2008: 37; 2020: 169). При этом номадизм не следует воспринимать как тень прошлого, он представляет собой культуру настоящего и будущего, которая не исчезает, а трансформируется (Головнёв 2008: 8). Сама кочевая традиция, включающая мобильные пространственно-временные стратегии, ценности и технологии кочевания, особую форму мышления, ритмы экологического и социального поведения является культурным наследием Арктики и достоянием мировой культуры в целом (Головнёв 2016). Культурное

наследие коренных народов Севера заключается прежде всего в используемых ими особых технологиях, высокой адаптивности и мобильности как системе контроля над пространством и ресурсами (Головнёв 2020: 164). Мобильные технологии кочевников Арктики заключают в себе ряд базовых принципов, которые позволяют рационально расходовать имеющиеся ресурсы. Выработанные на местах технологии, например стратегии выпаса, позволяют достигать определенного экологического эффекта (Головнёв, Куканов, Перевалова: 2018: 178–181).

Важнейшее свойство выработанных в условиях Арктики техник и технологий — их практичность, результативность. Мобильность также соответствует данным критериям. Человек Арктики выступает активным творцом своей жизни и окружающей материальности, причем энергетическим эффектом обладают не только вещи, но и сами действия людей, обеспечивающие активное взаимодействие с материальными объектами и средой. С помощью множественных усилий и практических действий человека Арктика стала обитаемым пространством (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022).

Мобильность — необходимое условие созидания и креативности. Именно в движении местные жители способны проявить и реализовать себя. Креативность на Севере — это способность придумывать и создавать материальные объекты в условиях дефицита, ограниченного количества ресурсов, предполагающая максимальное использование уже имеющихся материальных объектов и инфраструктуры. Логика трансформации и создания материального объекта в подобных условиях во многом определяется опытом местных жителей.

Наконец, сами научные концепты и теоретические построения — это элемент динамики. Они должны постоянно апробироваться, выстраиваться в рабочие схемы, дополняться и таким образом развиваться. Дизайн рассмотренных в данной работе подходов к изучению мобильности позволяет адаптировать их к изучению конкретных ситуаций динамики и статических состояний. Научный концепт, таким образом, — не просто выкристаллизованное понятие, инструмент в исследовательском арсенале ученого, но инструмент, непосредственно применяемый на практике, получающий свою «огранку» и доработку в контексте полевых исследований и анализа собранных материалов. Именно возможность применения на практике, позволяющая получить конкретные новые результаты, — важнейшая отличительная черта рассматриваемых теоретических разработок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Березницкий С. В. Тонкая настройка своего мира // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (15). С. 220–233.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.

Головнёв А. В. Арктика: конспект 40-летних исследований // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 163–173.

Головнёв А. В. Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–15.

Головнёв А. В. Кочевая традиция как культурное наследие Арктики // Полярные чтения на ледоколе «Красин» — 2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации: материалы научной конференции. СПб.: Паулсен, 2017. С. 69–83.

Головнёв А. В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Очерки антропологии движения. СПб.: МАЭ РАН, 2020. 336 с.

Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.

Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Альфа Принт, 2015. 132 с.

Давыдов В. Н. Этнография коралльных работ на Таймыре (по результатам экспедиции в августе 2016 г.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 17 / отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 67–90.

Давыдов В. Н., Давыдова Е. А., Гончаров Н. С. Энергия Арктики: этнографическое измерение. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 244 с.

Куканов Д. А., Конькова Ю. С. Кочевники Арктики: научный проект на музейной площадке // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 39–48.

Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 604 с.

Урри Дж. Мобильности. М.: Практис, 2012а. 576 с.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012б. 336 с.

Alice E., Norum R., Salazar N. B. (eds.) Methodologies of Mobility: Ethnography and Experiment. Oxford: Berghahn Books, 2017. 207 p.

Castells M. The Rise of the Network Society. Information Age. Vol. 1. 2nd Edition with a New Preface Edition. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.

Davydov V. N. People on the Move: The Use of Space by Northern Baikal Evenkis in the Context of Socio-Economic Changes. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2022. 317 p.

Gibson J. J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979. 332 p.

Kaufmann V. Re-thinking Mobility. Contemporary Sociology. Aldershot: Ashgate, 2002. 120 p.

Salazar N. B. *Momentous Mobilities: Anthropological Musings on the Meanings of Travel*. Vol. 4. Oxford; New York: Berghahn Books, 2018. 208 p.

REFERENCES

Alice E., Norum R., Salazar N. B. (eds.) *Methodologies of Mobility: Ethnography and Experiment*. Oxford: Berghahn Books, 2017. (In English).

Bakhtin M. M. [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russian).

Bereznitsky S. V. [Fine-Tuning Own World]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 2022, vol. 15, no. 2, pp. 220–233. (In Russian).

Castells M. *The Rise of the Network Society. Information Age*. Vol. 1. 2nd Edition with a New Preface Edition. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. (In English).

Davydov V. N. [Ethnography of Coral Works in Taimyr (Based on the Results of the Expedition in August 2016)]. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN* [Materials of Field Studies of the MAE RAS]. Issue 17. Ed. by E. G. Fedorova. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2017, pp. 67–90. (In Russian).

Davydov V. N. *People on the Move: The Use of Space by Northern Baikal Evenkis in the Context of Socio-Economic Changes*. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2022. (In English).

Davydov V. N., Davydova E. A., Goncharov N. S. *Energiya Arktiki: etnograficheskoe izmerenie* [Energy of the Arctic: An Ethnographic Dimension]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2022. (In Russian).

Gibson J. J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin, 1979. (In English).

Golovnev A. V. [Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Volot Publ., 2009. (In Russian).

Golovnev A. V. [Arctic Ethnodesign]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 2 (55), pp. 6–15. (In Russian).

Golovnev A. V. [Nomadic Tradition as a Cultural Heritage of the Arctic]. *Poliarnye chteniia na ledokole "Krasin" — 2016. Kul'turnoe nasledie v Arktike: voprosy izucheniia, sokhraneniia i popularizatsii: materialy nauchnoi konferentsii* [Polar Readings on the Icebreaker "Krasin" — 2016. Cultural Heritage in the Arctic: Issues of Study, Conservation and Popularization: Materials of a Scientific Conference]. St. Petersburg: Paulsen Publ., 2017, pp. 69–83. (In Russian).

Golovnev A. V. [Nomads of the Arctic: The Art of Movement]. *Etnografia* [Ethnografia], 2018, no. 2, pp. 6–45. (In Russian).

Golovnev A. V. The Arctic: a Synopsis of 40 Years of Research. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2020, no. 3 (9), pp. 163–173 (In Russian).

Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. *Ocherki antropologii dvizheniia* [Essays on the Anthropology of Movement]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2020. (In Russian).

Golovnev A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [The Arctic: Atlas of Nomadic Technology]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2018. (In Russian).

Golovnev A. V., Perevalova E. V., Abramov I. V., Kukanov D. A., Rogova A. S., Usenyuk S. G. *Kochevniki Arktiki: tekstovo-vizual'nye miniatiury* [Arctic Nomads: Text-Visual Miniatures]. Ekaterinburg: "Alfa Print" Publishing House, 2015. (In Russian).

Kaufmann V. *Re-thinking Mobility. Contemporary Sociology*. Aldershot: Ashgate, 2002. (In English).

Kukanov D. A., Kon'kova Yu. S. [Nomads of the Arctic: An Academic Research Project in a Museum Space]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2021, no. 3 (13), pp. 39–48. (In Russian).

Salazar N. B. *Momentous Mobilities: Anthropological Musings on the Meanings of Travel*. Vol. 4. Oxford; New York: Berghahn Books, 2018. (In English).

Sirina A. A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samoznanie* [Evenkis and Evens in the Modern World: Self-Awareness, Environmental Management, Worldview]. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2012. (In Russian).

Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis, 2012a. (In Russian).

Urry J. *Sotsiologiia za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlia 21 stoletia* [Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2012b. (In Russian).

Submitted: 10.12.2022

Accepted: 15.01.2023

Article published: 01.04.2023